Шлейф лаванды

Антон Мурзаков

Антон Мурзаков

Шлейф лаванды

«Автор»
2026

Мурзаков А.

Шлейф лаванды / А. Мурзаков — «Автор», 2026

Рим не верит в богов. Рим верит в логистику и тотальный страх. 73-й год до н.э. Италия Поздней Республики — залитый кровью Вавилон, где роскошь дворцов стоит на костях рабов. Но когда в Капуе вспыхивает бунт, машина Сената даёт сбой. Семьдесят три гладиатора прорубают дорогу к Везувию, запуская обратный отсчёт для Республики. Это история о войне разумов, ресурсов и тайных служб . Путь от казарм Капуи до белой гальки Силара.

Спартак перековывает беглую толпу в монолитные когорты. Рядом шагает Ликаон — угрюмый фракиец. Он бьёт без промаха, но никто не знает, какая мрачная тайна скрывается за его яростью и от каких призраков прошлого он бежит. Пока Марк Красс стягивает тридцать тысяч лопат своей Стены Смерти, капкан защёлкивается. И когда небо над рекой Силар расколется ледяным ливнем, в этой багровой грязи найдет свой конец последняя ложь.

«Шлейф лаванды» — это грандиозный античный нуар о цене свободы, геометрии предательства и о том, что вопреки всему может воскреснуть человек.

© Мурзаков А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВОЛКИ КАМПАНИИ 9
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЛИКАОН — НАЁМНИК ИЗ МЕСЕМВРИИ 9
ГЛАВА ВТОРАЯ. ЗА МЕСЯЦ ДО БУНТА 12
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. РАСЧЁТ В СЕРЕБРЕ 15
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ 18
ГЛАВА ПЯТАЯ. ЖЕЛЕЗО И ПОТ 21
ГЛАВА ШЕСТАЯ. ЗАПАХ ГРОЗЫ 24
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ДОМИЦИЯ 26
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ТЛЕЮЩИЙ УГОЛЬ 29
Г 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Антон Мурзаков
Шлейф лаванды

От автора

Небольшая оговорка для знатоков истории: классические секуторы и ретиарии оформились в эпоху Принципата. Однако, чтобы сохранить динамику и визуальное удобство, терминология гладиаторских школ была частично адаптирована под устоявшийся в культуре боевой баланс.

ПРОЛОГ

53 год до н. э. Окрестности Карр, Северная Месопотамия.

Сухой ветер Месопотамии нёс со стороны холмов известняковую пыль и соляную гарь. На раскалённую степь опустилось плотное жёлтое марево. В этой зыбкой взвеси, скрипевшей на зубах и забивавшей ноздри мелким песком, тонул непрерывный, зловещий шелест: тысячи парфянских стрел одновременно резали воздух.

Азата знала, что этот кошмар для римлян не закончится. Позади её повозки, глубоко увязая в песке, стоял верблюжий караван Сурены. Животные глухо ревели под тяжестью огромных кожаных тул. Лучники, кружившие перед римским строем, на ходу выхватывали оттуда свежие связки. Упругие, асимметричные луки из вываренной кости и сухожилий работали без устали, методично прореживая легионы.

Азата сидела на дне походной повозки, вздрагивая от каждого удара бури. Ей было под сорок. В узкие щели между кожаными бортами надувало мелкие песчаные холмики. В её густых чёрных волосах, туго стянутых под высокую коническую тиару, тускло проступала ранняя седина. Вопреки роскоши ктесифонского двора, на её тонких пальцах не было камней — лишь одно простое золотое кольцо дома Суренидов на левой руке. Ладонь женщины судорожно, до белизны в суставах, сжимала скрытый под тяжёлым шёлком кафтана мелкий, угловатый и холодный предмет.

Она смотрела сквозь пыль на лавину, катившуюся с холмов. Там, впереди, её брат Рустахам вёл закованных в железо катафрактов. Степь содрогалась от поступи массивных нисейских коней, укрытых до самых копыт чешуйчатым доспехом. Всадники шли плотной стеной, колено к колено. Мужчины намертво сжимали бёдрами высокие деревянные выступы сёдел, силясь удержаться в глубоких колодках — упора для ног не было, эпоха железных стремян ещё не наступила. Двумя руками они направляли вперёд тяжёлые четырёхметровые пики-контосы, готовые обрушить всю инерцию несущейся полутонной массы мяса и металла на римские щиты. Ещё накануне вечером она сама помогала брату крепить наплечные пластины. Рустахам ворчал, от его куртки остро пахло прогорклым маслом и конским потом. Азата шептала ему прямо в ухо: «Помни, брат. Римляне сильны, пока держат интервалы. Но в этой пустынной коробке они просто задохнутся. Лиши их конного прикрытия — и они твои».

Но в полдень стена римских щитов огрызнулась. Железное каре с грохотом разжалось, и в отчаянную контратаку хлынула отборная галльская кавалерия Публия Красса — сына их самого ненавистного врага.

Галлы, набранные некогда Юлием Цезарем в дремучих северных лесах, дрались с дикой яростью обречённых зверей. От них пахло кислым элем и застарелым потом. С вихревым гиканьем они врубились в железные ряды парфянских всадников, ломая тяжёлые ясеневые копья и рассекая металл. Сердце Азаты быстро и тяжело билось в груди.

Один из галлов, потеряв подбитого коня, с ходу бросился под копыта огромного жеребца Рустахама. Воин с хрипом вонзил длинный кельтский меч снизу вверх, прямо в незащищённое, мягкое брюхо животного. Из глубокой раны хлынула тёмная, дымящаяся кровь, конь рухнул навзничь, увлекая за собой и придавливая всадника. — Рустахам! — вскрикнула Азата, и её пальцы до боли впились в плотную ткань кафтана.

Но парфянский строй устоял. Железная дисциплина и бесконечный, струящийся из тыла поток стрел сделали своё дело. Окружённые в раскалённой пустыне, галльские кони падали один за другим, замертво засыпаемые стальным градом. Вся кавалерия Республики была методично изрублена и расстреляна в упор. Сам младший Красс, истекающий кровью из разорванного плеча, упал без сил среди тел своих верных людей. Из его бока глубоко торчали парфянские тростниковые стрелы.

Парфянские всадники во главе с чудом выжившим, сильно хромающим Рустахамом не стали добивать Красса на месте. Заметив богатую чеканку его доспехов, они приволокли тяжелораненого к копытам коня верховного командующего — Сурены.

Азата подошла ближе к ставке, пряча лицо в глубоких складках шёлкового плаща. Молодой римский аристократ лежал в густой известняковой пыли. Его взор уже туманился от потери крови, но пальцы всё ещё яростно скребли сухую землю, пытаясь нащупать рукоять потерянного меча. В его глазах не было ни капли страха — лишь смертная, неукротимая злоба и дикая досада.

Сурена сошёл с коня. На его вышитых сапогах запеклась чужая кровь. Он молча смотрел на умирающего врага, и в глазах парфянского вождя не было жестокости — лишь глубокое, мрачное уважение. — Он дрался как истинный воин, — негромко сказал Сурена, обернувшись к Рустахаму. — Довольно. Римский легат не должен умирать в грязи от долгих мук или укусов шакалов.

Сурена едва заметно кивнул своему личному гвардейцу. Тот шагнул вперёд, резким движением задрал подбородок римлянина обнажая беззащитную шею, и его клинок вошёл под кадык. Последняя судорога свела тело римлянина, и он затих. Лишь после этого Сурена приказал отсечь голову мертвеца. Её нужно было поднять на копьё перед замершими римскими легионами, чтобы окончательно сломить дух старшего Красса.

К вечеру над пустыней поплыл тяжёлый запах гари. Всё было кончено. Окровавленная голова Публия Красса на вражеской пике сделала своё дело. Марк Красс потерял рассудок от горя и сдал армию. Вскоре и сам он нашёл свою смерть в песчаной колее, а его легионы попросту перестали существовать.

Азата вышла из душной повозки, когда воины уже сгоняли в загоны тысячи изнурённых, покрытых копотью римских легионеров и уцелевших галлов. Они шли бесконечной серой вереницей, опустив головы и глухо звеня тяжёлыми цепями. Точно так же когда-то, много лет назад, шла она сама по пыльным дорогам Италии, едва переставляя ноги после душного невольнического рынка.

Азата медленно пошла вдоль шеренги пленных. На ней были богатые парфянские шаровары, расшитый золотом кафтан и сияющая тиара, но заговорила она на чистейшей латыни, без малейшего восточного акцента: — Поднимите головы, свободные граждане Рима.

Легионеры испуганно вздрогнули. Один из центурионов, старый солдат с обезображенным ожогом лицом, тяжело поднял глаза. На его помятом нагруднике Азата заметила чудом уцелевшую наградную фалеру с рельефным изображением Марса. — Из какого ты легиона, солдат? — тихо спросила она. — Шестой, госпожа… — прохрипел он, сплёвывая вязкую слюну сквозь корку засохшего пота. — Раньше служил у Красса в Италии. Против беглых рабов Спартака. А теперь… теперь мы видели голову его сына на пике. Боги прокляли этот поход.

Азата замолчала. Внутри неё словно захлопнулся тяжёлый замок. Круг замкнулся. Перед ней стоял человек, который, возможно, своими руками вбивал гвозди и распинал её друзей вдоль Аппиевой дороги. Мужчина, когда-то считавший себя хозяином мира, теперь смотрел на неё снизу вверх из пыли, беззвучно умоляя взглядом о единственном глотке грязной воды.

Она медленно обернулась к слугам и на парфянском холодно приказала: — Дайте им воды. И велите немедленно отделить галльских всадников от римлян. Их вождь Публий заслужил своей кровью почётную смерть, а его люди — право на жизнь.

Она снова перевела холодный взгляд на пленных. — Пусть они и выжившие легионеры отправятся на самый восток, в Маргиану. Теперь они будут строить наши города в оазисах и охранять наши границы, умирая от стрел диких кочевников.

Центурион удивлённо и дико посмотрел на неё, ловя ртом горячий воздух: — Кто ты, госпожа? Откуда ты знаешь наш язык… и наши грехи?

Азата медленно запустила руку под складки тяжёлого шёлка на груди. Её пальцы нащупали и извлекли наружу старую, потемневшую от времени железную фибулу. Грубая римская застёжка странно смотрелась на фоне золотого парфянского ожерелья. Она тихо, но отчётливо ответила на латыни: — Передай своим мёртвым богам, центурион, что Спартак шлёт Марку Крассу и его сыну свой последний привет.

Она резко повернулась и пошла к палатке брата. Позади неё в сумерках оставалось поверженное, растоптанное войско некогда великой Республики, под конвоем уходящее в раскалённую глубь чужой земли.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВОЛКИ КАМПАНИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЛИКАОН — НАЁМНИК ИЗ МЕСЕМВРИИ

Остия — Капуя, зима 74 года до н. э.

От сырости и холода сводило пальцы ног. Январская серая жижа во внутреннем дворе людуса Капуи застывала грязной коркой. Стойка с деревянными рудиями неподалёку густо лоснилась от свежего овечьего жира. Наёмник стоял обнажённым по пояс посреди плаца. Кандалы на лодыжках тяжело звякали при каждом движении.

Орфей — александрийский грек, лекарь школы, — бесцеремонно водил сухой ладонью по его груди и спине. Батиат стоял рядом, лениво потягивая из кубка разбавленное вино.

— Невероятно, хозяин, — прошамкал лекарь, качая головой. — Посмотрите сюда. Рубец на левом боку — след от тяжёлого колющего удара. Клинок прошёл в палец от сердца, пробил лёгкое. А на плече? Обычный человек сгнил бы от лихорадки за три дня. А этот мало того что дышит, так у него ещё и подкожный жир сошёл, обнажив мышцы, как у сиракузского быка.

Батиат подошёл ближе, хмуро разглядывая раба. — Как тебя зовут, бродяга? И где ты умудрился так аккуратно подставить шкуру под римские мечи?

Ликаон медленно поднял взгляд. Его лицо оставалось неподвижной маской. Он заговорил хрипло, коверкая латынь с грубым причерноморским выговором, растягивая гласные и путая падежи: — Ликаон я, господин. Из Месемврии, что во Фракии. Воевал за царя Митридата против ваших легионов. Будь они прокляты. Когда царь стал проигрывать, я забрал долю золотом и ушёл на корабле. Думал, в Италии сытнее. Грабь купцов на дорогах, пей вино. Да вот… преторские псы в Остии оказались быстрее.

Батиат удовлетворённо хохотнул, подмигнув лекарю. — Фракиец, дезертир и разбойник! Какая благородная биография. Теперь понятно, откуда латынь и почему ты умеешь держать строй. Ты видел, как воюют легионы, и сам рубил их. Это хорошо. Зрители в Капуе любят, когда на арене бьются те, кто попил римской крови.

Ланиста подошёл вплотную, заглядывая ему в глаза, и резко хлопнул по здоровому плечу. — Твоё прошлое мне неинтересно, Ликаон. Фракиец ты, грек или сам подземный Плутон — теперь неважно. Те раны, что на тебе, должны были отправить тебя в царство теней. Но ты выжил. Ты родился заново в моих стенах, парень. Пиши его в книгу, лекарь. Отныне его гладиаторское имя — Ликаон.

Ланиста ушёл, махнув рукой наставнику. Весь остаток дня Эномай гонял новичка на обледенелом песке, проверяя дыхание, выносливость и силу удара, чтобы решить, к какому классу бойцов его приписать.

Вечером Ликаона определили в казарму тяжеловооружённых бойцов. Когда массивная дубовая дверь захлопнулась, отрезая рабов от внешнего мира, он сел на жёсткие деревянные нары. На его широкой груди, прямо поверх старого шрама, на грязном кожаном шнурке качалась потемневшая от времени костяная трубочка — сигнальный свисток со скошенным краем. Ликаон выдавал его за свой воинский амулет. Батиат при покупке хотел отобрать кость, но хмурый наёмник так оскалился, что ланиста лишь хохотнул, разрешив оставить безделушку, снятую, по его словам, с убитого врага на восточных границах. Ликаон подцепил свисток пальцем и привычным движением крутанул его на шнурке, уставившись в темноту.

В углу, в полумраке, несколько варваров тихо переговаривались на непонятном наречии. Галлы и германцы во главе с Криксом и Клеоном Шрамом сидели у лампады. Клеон — огром-

ный галл, чьё лицо представляло собой жуткую мешанину из старых белёсых рубцов, — сразу же заприметил новичка.

Клеон поднялся и вальяжно, поигрывая тренировочным рудисом, двинулся к нарам Ликаона. За его спиной, скрестив мощные руки, ухмылялся Крикс. Ликаон спокойно следил за их приближением. — Смотри-ка, Крикс, хозяин привёз нам свежее понтийское мясо, — утробно загоготал Клеон, преграждая Ликаону путь. — Слышь, варвар, в нашем углу рабы Митридата моют нужники и отдают свою пайку кельтам. Понял меня?

Клеон с размаху толкнул Ликаона ладонью в грудь. Ликаон лишь слегка качнулся назад, амортизировав удар корпусом. Его глаза под грязной чёлкой остались леденяще пустыми. — Не трогай меня, галл, — хрипло, со своим режущим слух варварским акцентом произнёс Ликаон, коверкая латынь. — Ах ты, verberabilis! — взревел Клеон. — Таранис, сокруши его кости!

Галл выбросил вперёд правый кулак. Ликаон коротко нырнул под бьющую руку, шагнул влево, заходя гиганту сбоку, и на противоходе снизу вверх вбил основание ладони в переносицу. Хрустнуло сухо и отчётливо, словно переломили сухую ветку. Клеон отшатнулся, заливая кровью грудь. Галлы повскакали с нар, окружая новичка полукругом.

— Стоять! — из темноты казармы раздался спокойный, но пугающе глубокий голос. Из полумрака медленно вышел рослый, широкоплечий мужчина с суровым лицом и глубокими, умными глазами вожака. Это был Спартак. Он внимательно оглядел новичка, задержав взгляд на его шрамах, а затем заговорил на чистом греческом языке, который понимали все наёмники Средиземноморья: — Батиат говорит, ты из Фракии, Ликаон? Из Месемврии?

Ликаон кивнул, не отводя взгляда. Он ещё утром, пока виликусы Батиата вели его через атриум, услышал от лагерной обслуги, кто держит эту казарму. Рабы шептались, что здешний вожак — фракиец из медов, дезертир, который успел послужить в римских вспомогательных алах и знает латинский устав не хуже центурионов. — Да, — спокойно ответил Ликаон на греческом, с лёгким акцентом. — Море там холодное, а римляне — жадные. Я дрался под знамёнами Митридата, пока проклятые проконсулы не зажали нас в ущельях. Но Сабазий разрывает оковы, и мы найдём свой вечный пир.

Спартак помолчал, словно взвешивая каждое слово новобранца. Взгляд Спартака на мгновение похолодел — он чувствовал в этом человеке что-то чужеродное, слишком дисциплинированное для обычного портового разбойника. Но шрамы Ликаона были подлинными, а ненависть к Риму сквозила в каждом движении. — Здесь нет Митридата и нет его командиров, — тихо сказал Спартак, переходя на латынь. — Здесь есть только мы. И стена, в которую нас замуровали. Учись дышать в строю.

Спартак повернулся и ушёл к своим людям. Ликаон остался сидеть в темноте, сжимая кулаки. Теперь он был частью этой стаи.

Поздней ночью, когда казарма затихла, в аптечном покое людуса собрался узкий круг ветеранов. Наставник Эномай сидел на перевёрнутом ящике, методично обстругивая тяжёлую дубовую трость. Рядом устроились Спартак и Ганник, лениво катающий во рту сухую соломинку. Мрачный Крикс сидел чуть в стороне, а Теренций Тёрка засаленной ветошью полировал свой шлем. Клеон Шрам, прикладывая к разбитому, распухшему носу мокрую холстину с уксусом, нарушил тишину: — Клянусь богами… не нравится мне этот наёмник из Месемврии, — пропыхтел галл, морщась от боли. — Ребята… я боюсь его.

Крикс резко вскинул голову и издевательски хмыкнул: — Чего? Ты? Великий Клеон, гроза амфитеатров, испугался заросшего фракийца? Подумаешь, поймал тебя на противоходе. — Да, Крикс, испугался, — упрямо и тихо повторил Клеон, и его голос прозвучал на удивление серьёзно.

Он на мгновение замолчал, уставившись в пол. Разве этот хладнокровный новичок знал, каково это — терять себя? Клеон вспомнил свой собственный первый день в Капуе. Вспомнил, как толстый, лениво потягивающий вино Батиат перелистывал свиток с именами живого

товара. Дойдя до строчки галла, ланиста споткнулся, побагровел и закричал: «Эк… зан… ти… о… ван… Квиритская кровь, клянусь Эребом, что за чушь! Экзантиовандалорос?! Да пока глашатай на арене это выговорит, тебя уже прирезать успеют! Или я до этого разорюсь на чернилах, пока писарь занесёт это в программку!». Хозяин людуса тогда раздраженно швырнул пергамент писарю и рявкнул: «Слишком длинно, дикарь. Будешь Клеоном!». С тех пор под гортанным родным именем, означавшим «Огромный буйный боец», его никто не звал. А прозвище «Шрам» добавилось позже, на потеху капуанской публике.

Галл тяжело вздохнул и продолжил, вернувшись к мысли о новичке: — Есть в нём что-то неестественное. Раб так не ударит. Мы, варвары, когда деремся — сразу в морду целим, с рёвом, от души. А этот? Дыхание не сбилось, лицо — как маска подземного Плутона. И удар… короткий, страшный. Словно он всю жизнь только и делал, что забивал людей без шума.

Спартак молчал, не мигая всматриваясь в пламя масляного светильника. Тут подал голос Эномай, главный наставник людуса Батиата. Он давно забыл, как звучит его настоящее имя на родном наречии там, в лесах за Рейном. Для сытой Капуи он был Эномаем — звучной греческой кличкой, которую Лентул Батиат внёс в лагерные книги больше десяти лет назад. Но под этой чужой, мифической маской до сих пор жил хмурый, хладнокровный германец.

Эномай отложил трость. Он тяжело вздохнул, и его каменное лицо покрылось глубокими тенями от лампады. Наставник коротко кивнул на распухшую переносицу галла:

— Утром на плацу скажешь Батиату, что поскользнулся на обледенелых камнях у колодца. Если ланиста узнает, что вы тут портите друг друга за просто так, оба отправитесь в яму без воды. — Клеон правду говорит, — веско продолжил он, обводя вождей суровым взглядом. — Я днём гонял его на первой проверке. Он не лезет вперёд, не орёт, не тратит силы впустую. Но когда строй бежит — он держит дистанцию до пальца. В силовой работе — спину не гнёт, дыхание размеренное. Надёжен и крепок как римский бетон. Его не сломаешь.

Теренций Тёрка крутанул пальцем у виска и ухмыльнулся: — Ну всё, нашли страшилку! Римский бетон! Главное, чтобы этот бетон под моим скутумом на играх не треснул, а то Батиат из нас самих известь сделает!

По комнате прошёл короткий смешок, и напряжение спало. Но Спартак так и не улыбнулся. Он продолжал молча смотреть в темноту коридора, туда, где в самом дальнем углу казармы чутким сном спал новый гладиатор по имени Ликаон.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЗА МЕСЯЦ ДО БУНТА

Кампания, июнь 73 года до н. э.

Воздух Южной Италии был налит густым зноем. Горизонт подрагивал, словно расплавленное стекло. По обе стороны узкой просёлочной дороги раскинулось бескрайнее море сочной зелени. Июньское солнце стояло в зените, заливая мир ослепительным светом. Вдоль обочин ковром цвели багряные маки, дикая горчица и увядающая лаванда. Над бутонами мерно жужжали тяжёлые от нектара пчёлы. В густой траве вибрировал гул цикад, а на ветвях столетних олив заливались чижи. Кругом царила ленивая пасторальная идиллия.

Этот покой разорвался внезапно. Стоило повозке миновать раскидистую сосновую рощу, как настоящий Рим грубо ворвался в тишину хрустом костей, свистом натянутой кожи и диким звериным воплем. Прямо за рощей открывались уходящие к горизонту виноградные террасы латифундии. Под палящим солнцем в жаркой взвеси работали сотни людей. За глухим каменным забором скрывался адский механизм человеческого горя.

Десятки жилистых мужчин с почерневшими от солнца и грязи спинами вручную ворочали тяжёлые деревянные мотыги. На шеях многих из них тускло поблескивали железные ошейники. Лица были серыми от сухой полевой пыли и липких капель, привлекавших назойливую мошкару. Земля от жары превратилась в сухой камень. Каждый удар давался рабам с хриплым, свистящим выдохом. Лодыжки провинившихся невольников сковывали грубые железные цепи. Они были туго подвязаны к поясам и глухо звякали при каждом коротком, натужном шаге. На потемневших телах — галлов, фракийцев, сирийцев — чистого места не осталось от старых узловатых рубцов и багровых следов недавних плетей.

— Шевелись, нумидийская падаль! Поворачивайся! — над полем разнёсся яростный окрик надсмотрщика.

В воздухе свистнул тяжёлый кожаный бич. С глухим влажным шлепком он рассёк лопатку молодого раба, который на секунду замешкался, чтобы утереть едкий пот со лба. Парень охнул, от неожиданности и боли потерял равновесие и опустился на одно колено, опёршись на древко мотыги.

— Вставай, кобылье отродье, или я заставлю тебя сожрать эту землю! — взвизгнул младший надсмотрщик, замахнувшись для второго удара. Бич с треском опустился на подрагивающую спину, выбивая облако пыли из грязной туники.Невольник, стиснув зубы, судорожно выпрямился и снова вогнал железо в землю. Остальные рабы даже не подняли голов. Они тупо, со стеклянными глазами продолжали вгрызаться мотыгами в сухую твердь под благозвучный звон цикад и пение птиц.

На холме, в прохладной тени огромного навеса из тончайшего египетского льна, стояли роскошные носилки. Восемь крупных нумидийцев держали их на плечах. Они изо всех сил старались не шевелиться, чтобы не потревожить покой хозяина. В носилках, утопая в подушках из нежнейшего лебяжьего пуха, восседал Квинт Попо.

На небольшом резном столике у его локтя, между серебряным блюдом со спелыми смоквами и свитками, чуть покачивалась дорожная клепсидра — парная амфора из тёмного александрийского стекла в чеканной бронзовой оправе. Сквозь узкое горлышко нижнего сосуда капля за каплей мерно сочилась чистая ключевая вода, отсчитывая дни и часы его сытой жизни.

Из поджарого, подтянутого раба, каким он был тридцать лет назад, Попо превратился в огромную оплывшую восковую свечу. Он был облачён в тончайшую белоснежную тогу из дорогой тарентской шерсти. Управляющий с особой, изощрённой жестокостью выжимал все соки из бывших братьев по несчастью, изо всех сил пытаясь казаться истинным, чистокровным римлянином. Его круглое лицо лоснилось от жира и ароматного миндального масла. Маленькие поросячьи глазки лениво созерцали избиение раба на поле.

— М-да… Ленивое мясо, — пропыхтел Попо, брезгливо морщась от далёких криков и вытирая платком складки двойного подбородка. — Слишком много отдыхают. Если к приезду патрона мы не выжмем норму сусла, субвиллики сами пойдут гнить в эргастул. Эй, Стратон! Куда тебя подземные боги утащили?

Из-за носилок неторопливо появился лекарь Стратон. Грек бросил быстрый взгляд на избиваемого невольника, машинально поправил висящий на поясе кожаный чехол со скальпелями и глухо проворчал:

— Здесь я, Квинт, здесь. У третьего десятка полевых — поголовно кровавый понос от твоей заплесневелой полбы. Если они вымрут до сбора урожая, господин сенатор спросит за убытки с тебя, а не с моих лекарственных кореньев.

Попо брезгливо поморщился от того, что грек так бесцеремонно напомнил ему его старое рабское имя, и шумно, с присвистом вздохнул.

— Поучи меня ещё, грек, — пропыхтел управляющий, лениво слизывая липкий сок с толстого пальца. — Полба как полба, весь Рим её жрёт. А эти дохнут, потому что ленивы от природы. Варва́ры! Ты лучше скажи, как там наша парфянка?

— Всё с ней хорошо. Я сделал всё, как приказано, Квинт, — сухо ответил Стратон, плотнее прижимая к себе анатомический свиток.

— Вот и отлично, — Попо издал короткий довольный смешок и снова потянулся пухлой рукой к винограду.

Управляющий сердито зашуршал свитками на коленях, и его взгляд случайно упал на старые приходные записи двухлетней давности. Мысли вольноотпущенника унеслись назад.

Два года назад в порту Остии он выкупил её на тайном аукционе. Попо до сих пор помнил, как лихорадочно постукивал массивными золотыми перстнями по мраморной консоли приёмного покоя, ожидая вердикта лекаря. Из-за занавеси тогда наконец вышел Стратон, устало вытирая руки пахнущей уксусом холстиной.

— Ну? Жива? — сиплым шёпотом набросился на него вольноотпущенник. — Говори, грек, не тяни! У неё есть пятна на груди? Кашель?

— Лихорадки нет, дыхание чистое, — спокойно ответил Стратон. — Но девка истощена. Переезд в гнилом трюме от Делоса до Остии едва не сожрал её. По её словам, в шестнадцатилетнем возрасте её выкрали работорговцы из сожжённого сирийского приграничного городка — чудо, что она вообще выжила. И она нетронута, Квинт. Парфянка чиста и девственна. Ей нужен покой, ячменный отвар и лёгкое вино. Иначе ты просто потеряешь своё сокровище.

Попо тогда лишь хищно сузил поросячьи глазки и до хруста сжал предплечье лекаря:

— Она должна быть безупречной, грек! Я отправил патрону в Рим депешу на вощёных табличках: купил эту парфянскую кобылку на закрытом аукционе за сто двадцать тысяч сестерциев лично для него. Лучший подарок для услады глаз великого мужа!

Стратон тогда лишь удивлённо приподнял бровь. Он прекрасно знал, что на таможенной свинцовой бирке из порта стояла совсем другая цифра — сто десять тысяч сестерциев. Ровно десять тысяч управляющий тайно увёл в свой собственный карман, списав на «пыль дорог и непредвиденные риски». Сенатор был слишком богат, чтобы считать монеты, но если бы этот подлог с пошлиной вскрылся, Попо распяли бы на собственной вилле.

И эти вложения оправдали себя. Всё это время на загородной вилле Азата работала незаметной прислужницей в столовом триклинии патрона. Для знатных гостей она была лишь безликой частью богатой обстановки, вещью, которая подносила острый гарум и разбавляла цекубское вино. Чтобы услаждать слух патрициев, её неустанно обучали безупречным римским манерам, греческой поэзии и певучей латыни аристократов с Палатина. Но именно эта роль «невидимой прислуги», на которую господа не обращали никакого внимания, позволила ей два года жадно слушать тайные разговоры, подмечать знаки и накапливать опасный политический компромат на римских сенаторов.

Попо особенно запомнил последний пир, когда Азата, безмолвной тенью стоявшая у мозаичной стены с тяжёлым серебряным кувшином, ловила каждый вздох двенадцатилетнего сына хозяина латифундии. Наследник великого дома сидел по правую руку от грозного отца, облачённый в белоснежную тогу-претексту с пурпурной каймой. Отрок лениво слушал наставления отца о том, как правильно подавлять бунты в провинциях. Он хмурил тонкие брови, вчитываясь в греческие колонки свитка с описанием походов Ксенофонта. Азата смотрела на этого изнеженного, защищённого легионами ребёнка с таким холодным, затаённым презрением, что Попо на секунду показалось, будто в триклинии повеяло могильным холодом. Но он тут же списал это на сквозняк.

Попо мысленно стряхнул воспоминания и вернулся в сегодняшний знойный день.

— Ступай, старый ворчун. Проверь лучше, чтобы эти полевые идиоты не передохли от полуденного зноя прямо на меже.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. РАСЧЁТ В СЕРЕБРЕ

Капуя. Людус Лентула Батиата, июнь 73 г. до н. э.

В канцелярии Лентула Батиата стоял приторный аромат кипрского вина, смешанный со смолистым духом пчелиного воска. Ланиста восседал за массивным столом из тёмной туи, подперев пухлую щёку ладонью. Его маленькие глазки лихорадочно поблёскивали, отражая неровное пламя масляного светильника. За высокими окнами полыхал безжалостный кампанский полдень.

Напротив, прямой как стрела, стоял Корнелий — секретарь патриция. Римлянин опустил на край стола тяжёлый кожаный кошель. Тот отозвался глухим стуком, из стянутого горлышка тускло блеснули серебряные денарии.

— Здесь тридцать тысяч, Лентул, — ровно произнёс Корнелий. — Вторая половина ляжет сюда же, когда слуги вынесут с арены последний труп. Хозяин отмечает годовщину триумфа Суллы. Плебс Капуи должен получить такое багровое зрелище, чтобы эхо докатилось до самого Сената.

Батиат комкал в кулаке платок, его пальцы дёрнулись к серебру.

— Тридцать тысяч… — просипел ланиста, вытирая взмокшую шею. — Но Корнелий, игры без пощады… Это ведь означает, что я своими руками пущу под нож половину людуса! Мои лучшие ветераны! Ганник, Крикс, Спартак…

— Хозяин платит за мясо, Батиат. И платит так щедро, что ты сможешь купить себе новый людус, — отрезал секретарь и придвинул к ланисте покрытую грязноватым воском табличку. — Нам не нужны дешёвые фокусы и театральная кровь. Мы покупаем настоящую смерть. Взгляни на либретто.

Батиат взял стилос. Пухлая рука заметно дрожала. Остриё прочертило на воске рваную линию. Ланиста опустил взгляд на имена.

Из-за спины римлянина за этой безмолвной драмой наблюдал Эномай. Главный наставник неподвижно стоял у дверей, скрестив на могучей груди руки. Его черты лица окаменели, но в глубине глаз зажглось что-то зловещее, похожее на отблеск пожара.

В расписании боёв не было случайных совпадений. Либретто открывалось массовой грегарией — жестокой свалкой десять на десять, призванной проредить состав школы. Каждое последующее противостояние было математически просчитано, чтобы заставить бойцов драться с яростью загнанных волков. Ганник должен был выйти против Эвриала — молодого галла, которого сам лично учил держать тяжёлый скутум и которого любил как младшего брата. Крикс — против своего земляка Клеона по прозвищу Шрам, с которым делил казарму последние два года. Спартак — против Теренция Весельчака.

— Они же просто разорвут друг друга… — едва слышно прошептал Батиат. — Ганник никогда не поднимет меч на этого мальчишку.

— Поднимет и пронзит ему грудь, если захочет увидеть завтрашний рассвет, — равнодушно отозвался секретарь, поднимаясь. — У тебя ровно месяц, ланиста. Готовь их.

Когда тяжёлая дубовая дверь защёлкнулась, Батиат вздрогнул. Он испуганно посмотрел снизу вверх на возвышающегося Эномая.

— Ты слышал его? — засуетился ланиста, торопливо, со скрежетом пряча кошель в ящик стола. — Выдавай им теперь двойные порции сытной ячменной каши. Так, я сам определюсь с рационом для них. Нам нужно великое шоу! Если хоть один вздумает филонить на арене — лично прикажу заживо распять на заднем дворе.

Эномай медленно наклонил голову, пряча в тени лица ледяную усмешку.

— Всё будет исполнено, хозяин. Будет такое шоу, какого Капуя ещё никогда не видела.

В тесной казарме спасительной прохлады не было. Воздух, наглухо запертый на массивный железный засов, был густым, горячим и липким.

Ликаон сидел на краю жёстких деревянных нар в самом дальнем углу и морщился от приторного запаха дешёвого овечьего жира, которым гладиаторы растирали мышцы перед сном. На его массивных коленях покоился тяжёлый круглый щит. Пальцы фракийца, зажавшие кусок засаленной ветоши, мерно двигались по металлическому ободу. Шаг, нажим, плавное круговое движение. Разбитая на утренней тренировке губа ныла, но воин ухаживал за оружием молча и сосредоточенно. Для надсмотрщиков он оставался просто неразговорчивым наёмником понтийского царя и дезертиром, из которого Батиат рассчитывал выжать последнюю прибыль.

В центре казармы, сгрудившись вокруг тусклой масляной лампы, сидели остальные. Крикс яростно вгрызался зубами в жёсткую варёную репу, шумно сглатывая кусочки и раздражённо сплёвывая на земляной пол жёсткую шелуху. Из его угла доносилось утробное бурчание: галлы и германцы вполголоса спорили о том, чьи боги потребуют больше крови на грядущих играх. Рядом, небрежно откинувшись на локти, устроился кельт Ганник. В его жилистой руке покачивалась глиняная кружка с разбавленным кислым вином, которое тайно приносили рабыни. Ганник беззаботно насвистывал разухабистую портовую мелодию, но в глубине его прищуренных глаз сквозила выжигающая душу тоска. Спартак сидел чуть в стороне, у центрального деревянного столба, подпирающего провисший потолок. Он молча, не мигая, всматривался в колеблющийся язычок пламени. Тяжёлое предчувствие беды буквально звенело в удушливом воздухе.

Нависшую грозовую тучу разорвал Теренций по прозвищу Тёрка. Коренастый секутор с извечной ухмылкой бесшумно, точно сытый кот, пробрался к нарам одного из самых спесивых новичков-галлов, который оглушительно храпел на всю казарму. Теренций держал в руке плотную тряпицу с тяжёлым медным ассом, только что раскалённым на пламени светильника. Ювелирным движением Тёрка аккуратно опустил горячую монету прямо на голый живот спящего воина, а сверху мгновенно накрыл её огромным медным тазом для умывания. Через долю секунды галл сквозь сон почувствовал, как его плоть выжигает огонь. Варвар дико взвыл и начал судорожно извиваться на нарах, со всего маху колотя обеими руками по собственному животу. Его кулаки с бешеной силой врезались в гулкое медное дно.

БАНГ! БУМ! БАБАХ!

На весь людус раздался оглушительный металлический набат. Галл крутился волчком, медный таз летал из стороны в сторону, рикошетя от стен. Казарма на мгновение оцепенела, а затем буквально взорвалась громовым хохотом. Галлы валились со своих нар, держась за животы. Крикс подавился куском репы и кашлял до слёз, а Ганник пролил вино на грудь, содрогаясь от смеха. Давящее марево страха испарилось за одну секунду.

— Встречайте великого музыканта! — во всю глотку заорал Теренций, шутовски кланяясь и уворачиваясь от запущенной в него тяжёлой сандалии. — Стучи в свой таз, парень, Юпитер оглохнет!

Ликаон в своём тёмном углу лишь на мгновение поднял взгляд. Его лицо осталось каменным, но в глубине глаз промелькнуло понимающее одобрение. Опытный солдат оценил этот жест: шут-секутор точным приёмом снял панику в казарме. Ликаон снова опустил взгляд на свой щит, методично продолжая тереть ветошью холодное железо.

Поздней ночью, когда людус наконец погрузился в глухую тишину, Эномай тайно увёл Спартака, Крикса, Ганника и Каллистрата на дальний оружейный склад. В углу помещения, скрытом горами поломанных щитов, тускло горел один-единственный конопляный фитиль. Туда же бесшумной тенью пробрался Ликаон.

Эномай молча бросил на утоптанный земляной пол восковую табличку. Спартак поднял её первым. При слабом свете блёклого огня его узловатые пальцы медленно провели по глубоко вырезанным именам. Лицо вождя окаменело. Рядом с ним Крикс, едва разобрав строчку со

своим именем, глухо зарычал и намертво сжал кулаки. Ганник, сидевший на перевёрнутой бочке, даже не взглянул на воск — он просто смотрел перед собой пустыми глазами, медленно катая во рту сухую соломинку. Каллистрат мрачно молчал.

— Через месяц — бои без пощады, до последнего вздоха, — тихо, но отчётливо произнёс Эномай. — Батиат продал нас всех за шестьдесят тысяч денариев. Либретто откроет бойня, десять на десять, а затем вы выйдете парами. Живым из амфитеатра выйдет только половина из тех, кто сейчас сидит в этой душной комнате.

— Я не убью Эвриала, — не поднимая головы, глухо сказал Ганник. В его тихом голосе крылась бездна чёрного отчаяния. — Я лучше сам подставлю горло под его гладиус.

— Тогда мальчишка всё равно умрёт, но уже от руки другого, — Спартак отложил табличку в сторону и прямо посмотрел на вождей. В его горящем взгляде была только непреклонная воля. — Римляне всё равно убьют нас через месяц на потеху своим сытым матронам. Они считают нас вещами, скотом, который можно пустить под нож. Так не лучше ли нам умереть здесь, с настоящим, острым железом в руках, дорого продавая свои жизни, чем резать друг друга на арене?

— Бунт? — Крикс резко вскинул голову. — Нас всего около двухсот человек, Спартак! Против нас — вся городская стража, вооружённая охрана людуса, а если понадобится — они пришлют сюда легионы! Мы просто сдохнем у первых же ворот Капуи!

В тусклый круг света медленно шагнул Ликаон. Он заговорил ровно и веско, как человек, знающий толк в тактике.

— Крикс правду говорит. Стражи в городе много, если бездумно идти в лоб, — хрипло, со своим режущим слух варварским акцентом произнёс Ликаон. Он коротко ухмыльнулся. Последний месяц Эномай регулярно отправлял угрюмого, исполнительного фракийца на хозяйственные отлучки: то помочь разгрузить в порту тюки с новой экипировкой, то пригнать повозки с дешёвым ячменём. Охрана не ждала подвоха от покорного силача. Но пока другие рабы спускали последние ассы в лупанариях, резались в кости и глазели на уличных актёров, Ликаон запоминал. — Я хорошо изучил этот город. За месяц до больших игр стражники ленивы. Они целыми днями пьют кислую поску в попинах у городских ворот. А в самом людусе охраны — всего пятнадцать ублюдков с тупыми копьями. Фракиец замолчал, придавив присутствующих тяжёлым взглядом.

— Римские легионы сейчас далеко — воюют на севере и в Испании. Ближайшие когорты наместника в Неаполе — это желторотые новобранцы, не видевшие крови. Им понадобится не меньше трёх дней, чтобы просто собраться по тревоге.

— И если мы ударим внезапно, прямо изнутри… — подхватил Спартак, и его голос окреп. — Мы перережем всю стражу Батиата за какую-то сотню вздохов. В десяти милях отсюда высится Везувий. Его склоны покрыты густым, непролазным лесом. Там идеальное место, чтобы закрепиться и собрать под свои знамёна всех, кто бежит с окрестных латифундий. Рим не успеет даже обуть свои сандалии, как мы станем для них недосягаемы.

Слова Ликаона и Спартака упали на иссушенную гневом почву. Холодный расчёт окончательно развеял последние сомнения Крикса. Спартак медленно поднялся во весь рост, протягивая ладонь над тлеющим фитилём.

— Мы берём ножи на господской кухне на исходе третьей стражи. Кто готов идти со мной — сожмите руку.

Крикс с глухим рыком первым накрыл его ладонь своей огромной рукой. За ним уверенно поднялся Ганник, в чьих глазах теперь разгорался опасный, смертоносный огонь. Эномай зажал их запястья своей железной хваткой. Потом поднялся Каллистрат. Последним свою руку протянул Ликаон. Тяжёлая ладонь понтийского ветерана опустилась на горячую кожу вождей, замыкая круг. Заговор был окончательно скреплён кровью и сталью.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ

Капуя. Июнь 73 г. до н. э.

Капуя буквально плавилась в полуденном мареве, напоминая раскалённый докрасна кусок кузнечного железа. Если Рим оглушал хаосом и смрадом перенаселённых трущоб, то Капуя жила вальяжной жизнью богатой южной провинции. Местная знать веками наживала состояния на торговле терпким вином, оливковым маслом и отборным гладиаторским мясом.

Барко Испанец медленно толкал скрипучую деревянную тачку по самому краю мощёной мостовой. На латифундию Попо срочно требовались железные наконечники для лопат и массивные дренажные трубы. Жадный управляющий всё же решился отправить в город угрюмого, всегда молчаливого иберийца — единственного раба, который смыслил в инженерном строительстве и не собирался бежать при первом удобном случае.

Город вокруг дышал обманчивым покоем. Широкие улицы Капуи были безупречно выложены тёмным вулканическим камнем, отполированным до блеска миллионами чужих сандалий. Вдоль белокаменных фасадов роскошных патрицианских домов тянулись тенистые галереи-портики, даривших редким прохожим спасительную прохладу.

Из раскрытых настежь дверей грязных попин доносился тяжёлый, сытный запах жареного лука и дешёвого, отдающего кислинкой кампанского вина. Местные обыватели лениво сидели на каменных лавках у входов, вяло обмахивались краями пропотевших туник и неторопливо переговаривались о ценах на египетское зерно.

Удушливая жара усыпила даже закон и порядок. Возле монументальной арки, ведущей на главную рыночную площадь, расположился сонный пост городских рабов- сторожей. Эти муниципальные охранники казались воплощением абсолютной безмятежности. Один из них, толстый пожилой раб с багровым от пьянства лицом, сидел прямо на перевёрнутой пустой амфоре в густой тени. Его единственное оружие — тяжёлая дубинка из морёного дуба — мирно покоилась на коленях, служа подставкой для глиняной плошки с тёплой варёной чечевицей. Второй сторож, помоложе, лениво прислонился широкой спиной к прохладному мрамору колонны. Его короткий нож в потрескавшихся кожаных ножнах небрежно висел на поясе, а сам он, зажмурив глаза, беззаботно насвистывал непристойную песенку.

Когда Барко проходил мимо них, на всю улицу гремя ржавым железным ломом в своей тачке, молодой стражник даже не открыл глаз. Старый лишь лениво мазнул по рабу мутным, совершенно безучастным взглядом. В сытой Капуе ничего не происходило уже много лет.

Барко свернул на узкую торговую улицу, ведущую к кузнечным рядам. Здесь, в спасительной тени портиков, прямо на засаленных соломенных циновках сидели уличные гадалки и торговцы сушёными фигами. Чуть дальше, у дверей богато украшенного лупанария, устроились две рабыни-гречанки в полупрозрачных одеждах, тихо переговариваясь между собой на родном наречии.

Город спал на ходу, убаюканный собственным мнимым величием. Никто из сытых граждан, ленивых сторожей и смеющихся девок не подозревал, что всего в нескольких кварталах отсюда, за высокими стенами людуса Лентула Батиата, уже созрел смертоносный заговор. Что этот мраморный рай ровно через тридцать дней умоется потоками горячей крови, а простые кухонные вертела станут страшным оружием.

Барко со скрипом остановил тачку у лавки местного кузнеца, вытер грязным рукавом солёный пот со лба и мрачно посмотрел на возвышающуюся вдалеке серую стену гладиаторской школы. Земля под его ногами казалась незыблемой, но старый строитель чувствовал: эта сухая твердь готова вспыхнуть от малейшей искры.

У кузнечных рядов стоял сплошной, оглушительный гул. Железо с тяжёлым хрустом билось о железо, а из тёмных, чадящих недр ремесленных лавок несло раскалённым углём и

дешёвым конским жиром. Барко стоял у засаленного верстака, молча проверяя мозолистым пальцем закалку новых наконечников для лопат. Он был человеком земли и тяжёлого камня. Заговор в Капуе и грядущий бунт его не касались. Архитектор латифундии не имел к этим опасным играм никакого отношения. Его мир прочно ограничивался чертежами водопроводов, проверкой прочности кирпичной кладки и постоянной заботой о том, чтобы его строители-рабы получили лишний кусок варёной солонины. Он просто молча делал свою работу. Хорошо копал. Тихо жил.

— Дорогу! Псы, посторонитесь! Гладиаторы великого Батиата идут! — вдруг раздался резкий, раскатистый крик со стороны главной улицы.

Мелкие торговцы на портиках мгновенно засуетились, в панике убирая с мостовой плетёные корзины с гнилым луком. Кустоды — нанятые Батиатом из числа свободных граждан крепкие люди, шедшие по бокам колонны с тяжёлыми плетями, — лениво перехватили рукояти, зорко поглядывая на замершую толпу.

Барко торопливо отошёл к самой стене кузницы, до боли прижавшись спиной к прохладному кирпичу.

По широкой мостовой, мерно чеканя шаг тяжёлыми деревянными подошвами тренировочных сандалий, двигался плотный строй гладиаторов. Они возвращались из загородного амфитеатра после изнурительной утренней рубки. Колонна дышала жаром. От неё несло дорожной пылью и кислым, въевшимся в кожу потом. Могучие мышцы бойцов тяжело перекатывались под лоснящейся кожей, словно узловатые корабельные канаты.

Впереди строя, широко расставив массивные плечи и небрежно поигрывая деревянным рудисом, шёл Крикс. Всё его грубое лицо выражало глубокое презрение ко всей этой сонной, изнеженной городской толпе. Рядом с ним, чуть откинув кудрявую голову и беззаботно насвистывая весёлый мотив, шагал Ганник — признанный кумир капуанских матрон двигался с лёгкой, пугающей кошачьей грацией. Направляющим в самом конце колонны шёл наставник Эномай, зорко следя за тем, чтобы никто из бойцов не смел заговаривать с прохожими.

Спартак шёл чуть поодаль от остальных. В его глазах, пугающе спокойных, ярко отражалось полуденное солнце Капуи. Он принципиально не смотрел на расступающуюся толпу — его твёрдый взгляд был устремлён куда-то ввысь, поверх черепичных крыш, к далёкой синей дымке седого Везувия.

А прямо за Спартаком, мерно ступая по камням, двигался угрюмый фракиец, которого в людусе все звали Ликаоном. На его могучем плече лежал тяжёлый, иссечённый ударами тренировочный щит. Лицо раба было совершенно тёмным от палящего загара, дорожной пыли и запёкшейся крови из разбитой губы. Он шёл, чуть ссутулившись, с привычным туповатым и абсолютно безразличным выражением лица. Словно у этого варвара в голове не осталось больше ничего, кроме миски ячменной каши.

У самой лавки кузнеца плотный строй на секунду замедлился — впереди дорогу перегородила гружённая доверху повозка с винными амфорами. И именно в эту краткую секунду Ликаон медленно повернул голову. Его взгляд — невероятно тяжёлый, пустой и леденяще холодный — скользнул по прижавшимся к стенам испуганным рабам и намертво остановился на коренастой фигуре Барко Испанца.

Барко невольно вздрогнул. На одно короткое, неуловимое мгновение, абсолютно незаметное для бдительных кустодов, маска рабской покорности на лице Ликаона дала едва заметную, но страшную трещину. Барко внезапно увидел то, чего не должен был видеть ни один живой человек в этой сонной Капуе. Из-под грязных, свалявшихся прядей волос на него посмотрели глаза не дикого раба, а опытного, матёрого ветерана-наёмника, лично прошедшего через десятки кровавых штурмов и ночных вылазок. Этот человек прямо сейчас, на ходу, профессиональным и расчётливым взглядом кадрового военного оценивал точную ширину капу-

анских улиц, высоту каменных городских стен и безошибочно вычислял слепые, незащищённые зоны у главных ворот.

От этой хищной сосредоточенности у Барко по спине пробежал холодок. Барко мгновенно, в ужасе опустил глаза в землю. Сердце тревожно и гулко застучало о рёбра. Он прожил в рабстве достаточно долго, чтобы твёрдо выучить одно простое правило: чем меньше чужих страшных тайн ты знаешь, тем дольше продержится на плечах твоя голова.

— Пошёл! Живее, ленивое мясо! — вдруг оглушительно гаркнул сзади Эномай, с размаху опустив рукоять плети на спину замыкающего колонну галла.

Повозка впереди наконец освободила проезд. Строй гладиаторов с металлическим лязгом оружия двинулся дальше, унося с собой эту тяжёлую волну скрытой угрозы. Ликаон тут же отвернулся, мгновенно вернув своему лицу выражение привычной рабской покорности.

Барко глубоко вздохнул, судорожно вытирая влажные от страха ладони о свою рваную серую тунику. Он понятия не имел, кто на самом деле этот странный «фракиец» и какую именно кровавую баню он замышляет устроить в школе Батиата. Инженер всеми фибрами души не хотел в этом участвовать.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ЖЕЛЕЗО И ПОТ

Капуя. Людус Лентула Батиата, июнь 73 г. до н. э.

Утренний воздух Кампании уже к третьему часу после рассвета налился вязким, липким зноем. Дышалось с трудом. Внутренний двор людуса, наглухо огороженный высокими каменными стенами с караульными галереями, стремительно превращался в раскалённую сковороду. Вся палестра была засыпана толстым слоем речного песка. Этот песок хозяин перемешал со щёлоком и костной мукой: серая смесь не давала покрытию комковаться, без следа впитывая кровь, пот и мочу.

На деревянном помосте, лениво похлопывая по бедру дубовой тростью, замер главный наставник Эномай. Вокруг него в две шеренги выстроились пятнадцать гладиаторов. Из одежды на мужчинах были лишь кожаные набедренные повязки, стянутые на поясе широкими полосами из сыромятной кожи для защиты паха.

Каждый опытный боец людуса рос на сагсине — особом принудительном откорме, нагуливая плотный слой подкожного жира. Ланиста усердно держал их на диете из варёного ячменя, конских бобов и древесной золы, растворённой в воде для укрепления костей. Изнеженная римская публика требовала обильной крови и долгих зрелищ. Жир на рёбрах и животе служил естественным доспехом: рубящие удары врагов застревали в нём, оставляя глубокие, сильно истекающие багрянцем, но безопасные для жизни порезы. Под этим обманчивым слоем скрывались литые жгуты мышц.

— Движение — это жизнь! — хрипло выплюнул наставник, резко взмахнув лозой. — Пошёл круг!

Начался первый блок тренировки — сверхтяжёлый бег с отягощением. Каждый гладиатор взвалил на правое плечо массивное тренировочное бревно весом около двадцати килограммов. Ноги по лодыжку утопали в зыбучем песке. Каждые пять кругов Эномай пронзительно свистел. Бойцы прямо на ходу ловко перебрасывали бревно на левое плечо, чтобы симметрично нагружать трапеции и позвоночник. Мелкая песчаная пыль поднималась от тридцати ног, забивала ноздри, смешивалась с потом и въедалась в глаза серой коркой.

Спустя сорок изнурительных кругов, когда кожа бойцов заблестела, как смазанная маслом сковорода, приор оглушительно рявкнул:

— Долой дерево! На месте замереть! Осмотр!

В этот самый момент на палестру, тяжело отдуваясь от жары и шурша шёлковыми полами дорогой домашней туники, вальяжно спустился сам Лентул Батиат. Ланиста медленно пошёл вдоль шеренги тяжело дышащих мужчин, придирчиво оценивая товарный вид перед скорыми играми. Эномай безмолвной тенью следовал за хозяином.

Батиат остановился напротив кряжистого фракийца, которого все в людусе знали под именем Ликаона. Солнечные лучи безжалостно высветили его спину и грудь, покрытые страшными, глубокими застарелыми рубцами — следами былых ранений в прошлых походах. Гладиатор стоял, низко опустив голову и сохраняя привычную туповато-безразличную мину. Ланиста прищурился, протянул пухлую руку и с влажным шлепком похлопал бойца по массивному, горячему от пота плечу.

— Ну и живучий же ты, Ликаон. Не зря я выложил за тебя денарии в Остии, — негромко, с довольной усмешкой произнёс Батиат.

Ликаон даже не вздрогнул. Его лицо оставалось неподвижной каменной маской. Батиат удовлетворённо кивнул и двинулся дальше к Криксу. На палестре тем временем начался силовой блок.

Сначала пошли гладиаторские выпады. Бойцы разбились по двое, положили руки на плечи друг другу и начали делать глубокие, взрывные прыжки из полного приседа впе-

рёд-назад, имитируя резкий уход от удара и стремительную контратаку. Следом началась прокачка шеи на жёстком шейном мосту. Гладиаторы ложились на спину, упираясь в песок только пятками и затылками, выгибая тело дугой. На грудь каждому с размаху садился напарник. Без такой подготовки первый же скользящий удар тяжёлым деревянным мечом в челюсть или шлем вызывал мгновенный перелом позвонков.

Под конец из угла двора рабы притащили огромные известняковые валуны с выдолбленными пазами для пальцев. Бойцы поднимали их на грудь, фиксировали и с хриплым криком толкали вверх, тренируя взрывную силу дельт и трицепсов. Навык был необходим для удержания тяжёлых десятикилограммовых боевых щитов-скутумов в течение часа непрерывного боя. Ликаон бежал и отжимался в самой середине строя. Его пульс оставался на удивление ровным, а дыхание — глубоким и размеренным.

— Рудисы к бою! Работа по парам! Готовимся к играм в Капуе!

Бойцы разобрали рудисы — тяжёлые тренировочные деревянные мечи, весившие ровно в два раза больше боевых стальных гладиусов. Двор разбился на пары строго в соответствии с грядущей расстановкой на арене.

Спартак встал в самый центр палестры напротив Теренция по прозвищу Тёрка. Несмотря насвою широкую улыбку и репутацию главного балагура казармы, Тёрка был коренастым и чрезвычайно опасным секутором. Сейчас на нём не было шлема, но он полностью воспроизводил свою глухую, монолитную технику боя. Прикрывшись огромным деревянным макетом прямоугольного скутума, Тёрка сжался в плотный, практически непробиваемый комок. Из-за верхнего края щита хищно торчал тренировочный гладиус.Его стиль боя был смесью хаоса и жестокой эффективности. Тёрка мог внезапно выдать шутовскую реплику, широко улыбнуться, а в следующую секунду совершить яростный выпад снизу вверх, целясь в пах или под воображаемое забрало. Спартак пытался обойти этот живой бастион с фланга. Деревянные мечи с тяжёлым, глухим стуком раз за разом ударялись о щиты. Тёрка двигался экономно, пряча тело за деревом. Спартак понимал: если ланиста прикажет, этот улыбчивый коренастый мужик сделает всё, чтобы вскрыть ему артерию на арене.

На другом краю двора Ганник, абсолютный фаворит Батиата и лучший мечник Кампании, лениво крутил в мозолистых пальцах сразу два рудиса. Против него стоял Эвриал — молодой галл, его соперник по будущему бою к которому Ганник привязался как к младшему брату. Он был невероятно, почти оскорбительно для этого грязного места красив. Его длинные золотистые волосы были собраны в тугой хвост, обнажая тонкие черты лица, которые ещё не огрубели от шрамов. На его теле ещё не наросла бугристая масса и та самая ячменная сагина — он казался изящной мраморной статуей. Едва перешагнувший порог совершеннолетия, он обладал сухой, удлинённой и быстрой мускулатурой. Ганник постоянно подкармливал парня со своего стола и лично оберегал от нападок ветеранов. Сам же Ганник, прирождённый димахер, двигался с лёгкой, пугающей кошачьей грацией. На его рёбрах и плечах лежал плотный слой гладиаторского жира, но бой двумя мечами требовал не глухой защиты за монолитом щита, а безупречного чувства дистанции, молниеносных уклонов и безумной скорости.

— Защищайся, Эвви, — мягко сказал Ганник.

Его правый тренировочный меч внезапно обрушился по нисходящей дуге. Юноша едва успел подставить щит. Дерево затрещало. Эвриал попытался контратаковать, крутанувшись волчком, но Ганник левым рудисом мгновенно и жёстко перехватил этот выпад прямо в воздухе. Движения юноши были лёгкими, но в них не хватало веса — той страшной, ломающей кости плотности, которой мастер двух клинков управлял без малейших усилий, просто перенося массу тела с пятки на носок. Ганник легко принял встречный удар на скрещённые деревянные клинки и коротким, резким толчком корпуса отбросил галла на песок.

— Твой локоть слишком высоко, маленький брат, — улыбнулся Ганник, нависая над ним всей своей кряжистой, пропахшей потом фигурой. — Римлянки любят красивую смерть, но я хочу, чтобы ты пожил подольше. Закрывай корпус! Быстрее переноси вес на пятку!

На другом конце палестры земля дрожала. Крикс рубился со своим лучшим другом — Клеоном. Несмотря на изувеченную внешность, Клеон обладал бешеной, магнетической харизмой и был одним из признанных вожаков галльского землячества в людусе.Последние два года они с Криксом делили одну тесную камеру в тёмной казарме, делили пайку, прикрывали друг другу спины на тренировках и истово клялись древними богами Родана никогда не проливать кровь друг друга. И вот теперь Батиат хладнокровно свёл их в пару.

Крикс обрушивал на Клеона град сокрушительных ударов сверху. Деревянные мечи трещали, мелкие щепки летели во все стороны. Клеон, пользуясь своим огромным ростом и весом, шёл напролом, как разъярённый медведь. Он принимал удары на щит, тяжело хрипел и контратаковал с такой дикой яростью, будто пытался убить своего названого брата прямо сейчас, на тренировке. В его глазах горела глухая, тёмная обида.

Они сошлись вплотную, с глухим треском столкнувшись щитами. Сухожилия на их шеях вздулись от натуги. Они тяжело, прерывисто дышали друг другу в лицо. Ликаон со стороны отчётливо видел, как у Крикса от предельного напряжения и подступающих слёз обиды задрожала нижняя губа. Они оба прекрасно знали, что на арене выживет только один.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ЗАПАХ ГРОЗЫ

Латифундия Попо, июнь 73 г. до н. э.

Сумерки опускались на Кампанию неохотно, словно не желая расставаться со знойным днём. Они медленно окрашивали маковые поля и стройные виноградные террасы в глубокие фиолетовые тона. Дневной зной наконец отступил, уступая место прохладному вечернему воздуху. Но цикады в густой придорожной траве не умолкали, продолжая свой монотонный, лихорадочный треск.

Барко Испанец вернулся на латифундию на исходе первой стражи. Его двухколёсная тачка, доверху гружённая тяжёлыми железными ломами, массивными дренажными трубами и наконечниками для лопат, глухо погромыхивала на выбоинах сельской дороги. Весь день под палящим солнцем и в дорожной пыли превратил лицо иберийца в сухую, покрытую белыми соляными дорожками маску. Позвоночник гудел от усталости. Но старый инженер не спешил сдавать ценный инструмент на склад придирчивого управляющего.

Он нашёл лекаря Стратона в аптечной пристройке на самом заднем дворе виллы. Грек сидел у открытого настежь окна. При блёклом, дрожащем свете лампады он мерно перетирал в каменной ступке сушёные листья крушины. В тесной комнате густо пахло горькими травами, резким уксусом и старым сухим пергаментом.

Барко аккуратно прислонил скрипучую тачку к стене, зашёл во влажный полумрак и с тяжёлым выдохом опустился на колченогую скамью. Он долго и угрюмо молчал, просто наблюдая, как размеренно двигается тяжёлый пестик в тонкой руке лекаря.

— Ты задержался, иберийец, — не поднимая глаз от ступки, негромко произнёс Стратон. — Жирный Попо уже три раза присылал своего слугу. Боялся, что ты сбежал вместе с его драгоценным городским железом.

— Куда мне бежать, грек? — Барко глухо усмехнулся и устало потёр воспалённые от пыли глаза. — Моя родная земля далеко за морем, а здесь у меня есть только мои каналы да лопаты. Я привёз всё, что этот боров заказывал. Но в городе… в городе творится что-то неладное, Стратон.

Тяжёлый пестик в руках лекаря на секунду замер. Грек медленно поднял голову, внимательно вглядываясь в осунувшееся лицо инженера сквозь пелену слабого света.

— Что именно ты видел в Капуе? — тихо спросил Стратон, откладывая ступку.

— Стражу, — ответил Барко, и его голос сделался совсем низким. — Эти рабские сторожа у ворот спят на ходу, тупо жрут чечевицу. Город сытый, ленивый, абсолютно сонный. Они свято верят, что их мраморные стены простоят вечно. Но сегодня мимо меня у кузнечных рядов вели гладиаторов Батиата. Они как раз возвращались со своего тренировочного поля.

Стратон нахмурился, машинально поправив край своей запачканной туники и подкрутив фитиль.

— И что с того? — пожал плечами грек. — Бойцы Батиата ходят по этим улицам каждую неделю. Это их прямая работа — качать мышцы и развлекать граждан на праздниках.

— Нет, Стратон. На этот раз всё было совершенно иначе, — Барко резко подался вперёд, положив огромные, покрытые мозолями ладони на край стола. — Среди них шёл один фракиец. Кряжистый такой, угрюмый, со старым перебитым носом. Его кличут Ликаоном. У самой кузницы они притормозили, и этот парень внезапно повернул голову. Он посмотрел прямо на меня.

Иберийец сделал тяжёлую паузу, словно заново переживая ту секунду на капуанской мостовой.

— Я строитель, каменщик. Я копаю эту землю тридцать лет. Прекрасно знаю, как выглядит забитый раб, который трусливо ждёт плети, и как выглядит дикарь со слепой яростью в

голове. Но у этого Ликаона были совсем другие глаза. Из-под напускной варварской маски на меня посмотрел человек с огромным, страшным боевым опытом.

Архитектор понизил голос до шёпота:

— Причём не дикарь из северных лесов, а тот, кто привык к железной дисциплине и правильной осаде городов. Он шёл в этой серой толпе, но мысленно замерял шагами точную ширину улиц. Вычислял высоту каменных стен. Прикидывал расположение стражи. Он смотрел на Капую как умудрённый опытом военный командир, планирующий неизбежный штурм.

Стратон молча слушал. Его лицо становилось всё более серьёным, покрываясь глубокими тенями от лампады. Он знал, что старый Барко никогда в жизни не поддавался лагерным страхам рабов. Если иберiец заметил нечто подобное, значит, в душном воздухе Кампании действительно отчётливо пахло грозой.

— Наёмник в шкуре фракийского гладиатора? — задумчиво прошептал Стратон, побарабанив пальцами по столу. — Их много нанималось в Азии и на фракийской границе. Возможно, он долго проливал кровь за восточных царей. Но зачем он тут? Как ты думаешь, Барко?

— Я не знаю зачем, — Барко покачал седой головой и тяжело поднялся со скамьи. — Но я точно знаю одно: плотина, которая столько лет держит всех нас в узде, дала глубокую трещину. Гладиаторы Батиата вовсе не похожи на людей, которые собираются покорно умирать на играх в следующем месяце. Земля под Капуей уже гудит, Стратон. Очень скоро здесь начнется такой пожар, что наши виноградники сгорят первыми.

Барко медленно подошёл к выходу и взялся за холодную железную скобу перед тем, как выйти в тёмный двор, где его ждал душный эргастул.

— Поговори с девкой-парфянкой, — тихо добавил Испанец, обернувшись у порога. — Пусть сидит тише мыши и вообще не высовывается из виллы. Если этот нарыв в Капуе лопнет, первыми под нож пойдут именно такие богатые латифундии, как наша. А жирный Попо не защитит ни её, ни тебя, ни всё своё зарытое серебро.Тяжёлая дверь со скрипом закрылась.

Стратон остался один в душном полумраке аптеки. Лекарь долго смотрел на блёклый язычок пламени. В ночной тишине треск цикад больше не казался мирным — теперь он напоминал шорох сухого хвороста перед грандиозным пожаром, который вот-вот поглотит всю Кампанию.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ДОМИЦИЯ

Под небом Кампании, лето 73 г. до н. э.

Солнце только коснулось первыми лучами верхушек столетних кипарисов, изумрудным кольцом окаймлявших поместье Плавциев. Вилла жила тихой, размеренной жизнью. Вдали от столичной суеты время текло под журчание фонтана в атриуме и лёгкий шелест оливковых листьев.

Домиции Плавции исполнилось двадцать четыре года. В её облике не было и следа кричащей роскоши, которой славились модницы с Палатина или блудницы из Субурры. Те красили волосы в ядовитые тона и жгли кожу свинцовыми белилами. Строгость и достоинство Домиции гармонировали с её мягкой природной красотой. Густые тёмные волосы волнами спадали на белоснежную льняную тунику.

Утро матроны начиналось в кубикуле под едва слышный шёпот личных рабынь. Три молодые девушки — сирийка Хлоя, гречанка Аглая и галльская девочка Боддиара — двигались по мозаичному полу бесшумно, словно тени. Отношение Домиции к челяди строилось на дисциплине и спокойном милосердии. На вилле Плавциев рабынь никогда не забивали до полусмерти за случайно разбитый флакон с парфюмом, как это делали на соседней латифундии. Но и панибратства хозяйка не терпела.

— Хлоя, настой иссопа сегодня слишком холодный, — ровно, без злобы, но твёрдо заметила Домиция, пока сирийка бережно омывала ей лицо благовонной водой из серебряного кувшина. — Впредь будь внимательнее. Римская матрона не должна простужать горло перед утренней молитвой ларам.

— Прости, госпожа, мы немедленно всё исправим, — прошептала рабыня, низко склоняя голову.

Девушки искренне уважали молодую хозяйку. Домиция помнила имена их маленьких детей. Она ревностно следила, чтобы невольники в давильнях получали чистую одежду к священным праздникам, и лично давала целебные настойки заболевшим. Для всей этой бесправной массы она была единственным живым щитом от жестокого внешнего мира.

Аглая ловко уложила волосы хозяйки в строгий узел-нодус, закрепив его простой шпилькой из полированной слоновой кости. Затем девушки помогли Домиции облачиться в столу с плиссированной каймой и аккуратно набросить на плечи лёгкую паллу цвета увядающей лаванды.

Выйдя в перистиль, окружённый стройной колоннадой, Домиция степенно приняла утренние отчёты от своего виликуса. Её день доверху наполняли обязанности. Она строго вела учёт шерсти, которую пряли рабыни, дотошно следила за расходом оливкового масла и лично проверяла чистоту на кухне.

— Почтенная Домиция, — тихо доложил виликус, пожилой вольноотпущенник с сухим, иссечённым морщинами лицом, — Квинт Попо снова прислал надсмотрщиков к нашей северной меже. Этот боров утверждает, что три наших раба собирали падалицу инжира на его стороне. Его люди без разбора избили их тяжёлыми плетьми.

В глазах Домиции на мгновение зажёгся праведный гнев.

— Немедленно передай управляющему Попо, что если его наёмные псы ещё хотя бы раз посмеют коснуться моих людей на спорной территории, мой муж затаскает хозяина Попо по римским судам и разорит его исками. Аррий Плавций Ламизан не посмотрит на богатства его сенатора. Вся Курия знает, что для Ламизана закон предков священен, и претор не позволит растаптывать справедливость ради прихоти палатинских нуворишей! А избитым рабам — выдать по полной чаше хорошего вина и полностью освободить от работы на три дня. Пусть лечат свои израненные спины.

Она не терпела воровства со стороны своих людей, но и отдавать их на растерзание завистливому соседу не собиралась. Справедливость матроны была на этой вилле высшим законом.

К полудню вилла погрузилась в ленивую сиесту. Слуги тихо разошлись по дальним прохладным постройкам. В замершем саду густо пахло нагретым самшитом, розами и медовым спелым инжиром. Домиция устроилась на резной мраморной скамье в тени виноградных лоз с развёрнутым на коленях свитком комедий Публия Теренция Афра, наслаждаясь редкими минутами абсолютной тишины.

Когда изнуряющая жара начала спадать, уступая место вечернему бризу со стороны Тирренского моря, тишину сада внезапно нарушил звонкий лай.

Из-за кустов пахучего мирта, уморительно перебирая короткими лапами, на лужайку пушистым белоснежным комом выкатился Левкос. Это была подлинная мелитейская болонка, чья шерсть сияла чистотой. Собаки этой редкой породы ценились в Республике на вес золота за преданный нрав.

— Ах ты, маленький разбойник! — искренне рассмеялась Домиция.

Её строгое лицо в одну секунду преобразилось, став по-девичьи нежным. Забыв про высокий статус, она отложила пергаментный свиток и опустилась прямо на мягкую траву, не заботясь о том, что может испачкать лавандовую паллу.

Счастливый Левкос с ходу прыгнул ей на колени, отчаянно пытаясь лизнуть хозяйку в подбородок. Его маленький хвост вращался с бешеной скоростью. Домиция с улыбкой достала из плетёной корзинки заветное лакомство — сушёный кругляш пахучего овечьего сыра — и высоко подняла его над головой.

— Служи, Левкос, служи, мой хороший! — весело воскликнула она.

Пёсик мгновенно замер, вытянувшись на задних лапках и балансируя в воздухе. Рабыни, тихо стоявшие у белых колонн, заулыбались. Получив из тонких пальцев заслуженную награду, довольный пёс принялся носиться кругами по ухоженному саду, утаскивая за собой длинный край шерстяного пояса Домиции. А она со звонким смехом догоняла любимца, чувствуя себя абсолютно счастливой.

Но эта хрупкая идиллия оборвалась в один миг. Левкос внезапно, словно наткнувшись на невидимую стену, замер посреди зелёной лужайки, безвольно выронив из пасти пояс. Его маленькие уши испуганно прижались к голове, а белоснежная шерсть на загривке встала дыбом. Пёс утробно и угрожающе зарычал, резко повернув морду в сторону северной границы поместья, где за поредевшей оливковой рощей пролегала пыльная просёлочная дорога.

Домиция медленно поднялась с травы, мгновенно оправляя складки столы.

Из-за холма, со стороны латифундии Квинта Попо, донёсся тяжёлый, надрывный гул. Это был далеко не привычный треск цикад. По дороге, вздымая тучи серой пыли, конвоиры гнали изнурённую вечернюю смену полевых рабов. Этот марш отзывался мёртвым, глухим лязгом сотен железных цепей. До цветущего сада долетел резкий окрик надсмотрщика и хлёсткий удар тяжёлого бича, от которого где-то там, вдали, безнадёжно заскулил человек.

Маленький Левкос зашёлся испуганным лаем, в панике бросаясь к кованой железной калитке сада.

— Аглая, немедленно забери собаку, — тихо, упавшим голосом приказала Домиция.

Улыбки в один миг сошли с лиц рабынь. Гречанка испуганно подхватила бьющегося пса на руки и крепко прижала к себе, торопливо зажимая ему ладонью маленькую пасть. В саду воцарилась звенящая, душная тишина.

Тяжёлый лязг кандалов за холмом медленно затихал, уходя в сторону мрачных бараков Попо, но тревога уже отравила вечерний воздух. Домиция подошла к мраморному парапету и посмотрела на север. Кровавое солнце стремительно садилось, окрашивая далёкий горизонт в багровый цвет. В десяти милях от их виллы, над идеальной вершиной спящего Везувия, застыло странное, тяжёлое и неподвижное облако. Ветер с моря никак не мог разогнать эту

тёмную дымку. Молодой матроне на секунду показалось, что древняя гора, спавшая долгими веками, тяжело вздыхает.

Она непроизвольно, защищаясь, коснулась пальцами тяжёлого золотого ожерелья на своей шее.

На вилле Плавциев всё ещё нежно пахло розами, но Домиция вдруг всей кожей почувствовала, как вечерний воздух стал леденящим. Этот благополучный, сытый рай доживал свои последние недели, а за холмами уже сгущалась тьма, готовая хлынуть на беззащитные цветущие сады.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ТЛЕЮЩИЙ УГОЛЬ

Кампания. Июнь 73 г. до н.э.

Липкое марево кампанского вечера не принесло спасения. На раскалённой палестре людуса серая земля стонала под десятками тяжёлых деревянных подошв. Эномай гонял бойцов с двойной, почти звериной яростью. Дубовая трость в его руке со свистом рассекала воздух. Она с влажным хрустом опускалась на покрытые белёсой соляной коркой спины гладиаторов.

— Слабаки! Римское дерьмо! Выкидыши Субурры! — гремел наставник, и его сорванный голос разносился далеко за пределы угрюмых каменных стен. — Сенатор платит серебром за чистую смерть, а вы сдохнете от одышки на первом же круге! Крикс, ниже щит, подними локоть! Ганник, быстрее переноси вес тела!

Стоявшие на высоких караульных галереях кустоды Батиата лениво опирались на древки копий и ухмылялись. Для них всё шло своим чередом. Ланиста получил жирный аванс и теперь безжалостно выжимал из живого товара последние соки, готовя бойцов к играм без пощады. Ни один из стражников не догадывался, что демонстративная жестокость наставника была лишь безупречно разыгранной ширмой.

В густой тени за жилым бараком, скрытый от глаз охраны высокой горой расколотых амфор, Каллистрат по прозвищу Тень сидел на корточках перед Спартаком. Бывший греческий пельтаст едва заметно двигал сухими губами. Его натренированная память чётко отмеряла грядущие шаги.

— Поварам на господской кухне нужно ровно сорок вздохов, — свистящим шёпотом проговаривал Каллистрат, чертя пальцем на песке схему двора и прислушиваясь к ударам лозы за углом. — Они плеснут свиной жир в открытый огонь очага, поднимут чад и отвлекут дежурного кустода. Мне понадобится досчитать до тридцати, чтобы добежать по стене до оружейного склада и сбить тяжёлый засов.

Он бросил быстрый взгляд в сторону пыльной арены.

— Замыкающий отряд Крикса отсекает лестницу на караульную галерею за двадцать вздохов. С севера ворота по-прежнему стерегут всего двое сторожей, они к вечеру окончательно нализываются в попине. Хронометраж верный, Спартак. Ошибки быть не может. Если ударим на исходе третьей луны, Капуя не успеет обуть сандалии.

Спартак молча кивнул. Его лицо, осунувшееся от хронического недосыпа и изнурительных тренировок, в сгущающихся сумерках казалось высеченным из куска известняка. Вождь контролировал каждое мгновение грядущего восстания.

Тем временем на кухне людуса, в едком чаду от огромных медных котлов, шла своя работа. Несколько рабов-поваров под предлогом чистки утвари громко тёрли чаны речным песком. Но под толстой грудой засаленной ветоши, на дне деревянных ларей, ждало своего часа острое железо. Рабы прятали там заструганные вертела, мясницкие секачи и длинные ножи для разделки туш. Металл едва слышно шуршал о точильные камни.

Тяжёлая деревянная дверь с грохотом распахнулась. На пороге выросла массивная, пахнущая кислым вином фигура дежурного кустода с кожаной плетью на перевязи. Его маленькие, подозрительные глазки зацепились за суету у дальних ларей.

— Что за возня у вас тут, животные? — гаркнул стражник, перехватывая рукоять плети и делая шаг вперёд. — А ну, пошли прочь! Что прячете, падаль?

Рабы замерли, боясь вздохнуть. Маленький поварёнок от ужаса выронил мокрую тряпку прямо в чадную жижу. Один взгляд кустода под грязную ветошь — и всех заговорщиков завтрашним утром ждал крест на заднем дворе.

В этот миг из клубов пара вальяжно шагнул Ликаон. Он небрежно вытирал холстиной руки. На его угрюмом лице играла привычная туповатая мина заискивающего портового вышибалы.

Он заговорил хрипло, со своим режущим слух варварским акцентом, намеренно разбавляя речь грязным портовым жаргоном Брундизия:

— Да ладно тебе, начальник, чего ты шумишь на пустом месте? Твоя правда, крысы завелись в нашей конуре. Этот сирийский выродок Малх вообще страх потерял. На вечерней раздаче пищи опять припрятал сытные порции вяленого окорока и сушёного инжира под солому в дальних конюшнях. Хранит там, скотина. Я сам видел, как он пёр это добро из кладовой. Наверное, хочет подкупить кого-то из городских или перекупщикам сбыть. Сходи, начальник, потряси его угол в стойлах, пока эти смертники на палестре лёгкие выплёвывают. Там точно есть чем поживиться честному человеку.

Кустод остановился. Его подозрительность мгновенно сменилась бытовой жадностью. Обыск в вещах рабов под предлогом поиска ворованного был любимой забавой охраны, сулившей лёгкую наживу.

— Сирийский, говоришь? — злорадно оскалился стражник, сплёвывая на грязный пол. — Ладно. Пойду проверю, что там этот щенок припрятал от хозяйского глаза. А вы, кобылье отродье, шевелитесь быстрее с ужином, пока я вам хребты плетью не переломал.

Дверь с грохотом захлопнулась. Рабы на кухне одновременно со свистом выдохнули. Кто-то из поваров судорожно помолился, шепча имена далёких богов.

Спартак, наблюдавший за сценой из тёмного проёма коридора, подошёл к Ликаону. Он незаметно, но крепко положил мозолистую ладонь на его массивное плечо, чуть выше старых шрамов. Под его пальцами сонная артерия Ликаона билась мерно и ровно. Никакого страха, никакой панической дрожи. При такой опасности его пульс оставался неизменным. Угрюмый наёмник стоял неколебимо, словно всю жизнь только и делал, что командовал штурмами, а вовсе не дрожал перед плетью надсмотрщика.

Спартак пристально посмотрел в его холодные глаза. В полумраке взгляд вождя опустился на грудь Ликаона, где из-под распахнувшегося ворота вывалился костяной свисток. Тлеющий фитиль лампады блёкло блеснул на гладкой слоновой кости. Спартак знал, что наёмники дорожат трофеями, и не стал ни о чём спрашивать. Он лишь крепче сжал плечо товарища и молча отступил назад, растворившись в темноте.

Поздней ночью, когда людус заперли на тяжёлые железные засовы, в казарме воцарилась удушливая тишина. Бойцы не могли спать. Липкий страх и подозрительность висели в воздухе. Каждый случайный шорох за стеной казался шагами ликторов, каждый взгляд соседа — подозрением в предательстве.

Теренций Тёрка, сидевший на краю жёстких нар, демонстративно взял кусок овечьего жира и принялся с громким скрипом править помятый обод своего прямоугольного скутума.

— Ну и лица у вас, братья, — на всю притихшую казарму хохотнул секутор, сверкнув широкой ухмылкой. — Словно вас скоро повезут не на пир к щедрому Батиату, а на ложе к самой Медузе Горгоне. Да ладно вам, прорвёмся! Главное, чтобы в этой заварухе наши шутки богам понравились. А то ведь обидно будет сдохнуть, так и не допив то кампанское вино, что Ганник бережливо прячет под гнилым полом в углу.

По казарме пронёсся короткий, облегчённый гул. Ганник с руганью запустил в шута огрызком яблока, Крикс хмыкнул в кулак, и ледяное оцепенение отступило.

Пока в душной Капуе гладиаторы точили кухонные ножи, на латифундии Квинта Попо почти все спали. В роскошном кабинете, укрытом от ночной прохлады тяжёлыми александрийскими коврами, вольноотпущенник обливался жирным потом. На мраморной консоли, прямо за массивным бронзовым бюстом диктатора Суллы, мерно работала большая клепсидра. Вода

в ней уходила вниз, капля за каплей отсчитывая часы. Каждое падение тяжёлой капли отзывалось в мёртвой тишине коротким, глухим стуком, похожим на удар монеты о бронзу.

Перед ним при блёклом свете трёх фитилей лежали два длинных свитка приходных записей. Попо аккуратно, стараясь не капать миндальным маслом на пергамент, запечатывал в небольшой свинцовый кошель серебряные денарии и сестерции. Его маленькие поросячьи глазки лихорадочно блестели от восторга.

— Отлично, отлично… — блаженно пыхтел управляющий, убирая кошель в потайную стеновую нишу за спиной самого Суллы. — Патрон прибудет из Рима очень скоро. Этот патриций даже не посмотрит на итоговые цифры.

Попо злорадно потёр пухлые руки, абсолютно слепой к тому подземному гулу, который уже шёл по пыльным дорогам Кампании.

В уединённых покоях Азаты, расположенных в дальнем крыле виллы, лекарь Стратон проводил вечерний осмотр. Женщина сидела у открытого окна в лёгком льне. Её тонкие пальцы медленно поглаживали ткань на груди, под которой был скрыт твёрдый контур старой, грубой железной фибулы — символа её боли и памяти о далёком доме.

Стратон подошёл ближе, делая вид, что проверяет чистоту её латыни по свиткам поэта Энния. Убедившись, что домашние рабы Попо далеко в коридоре, лекарь опустил взгляд и заговорил тихим голосом, полным осторожных метафор. Проницательный ум парфянки не нуждался в прямых объяснениях.

— Кампанская земля слишком сильно пересохла в это лето, Азата, — негромко произнёс грек, всматриваясь в ночную темноту за окном. — Воздух стал тяжёлым, дышать трудно. Барко вернулся из города и говорит, что достаточно одной крошечной искры у наших соседей в Капуе, чтобы начался страшный пожар. И если этот нарыв лопнет, пламя неминуемо доберётся и до наших виноградников. Попо глуп. Его серебро и железные цепи не затушат этот огонь. Будь готова к любому хаосу. Когда всё начнётся — держись только меня и Барко.

Азата замерла. Её пальцы на секунду сжали железную фибулу под тканью так крепко, что металл едва не проколол кожу. Она мгновенно считала скрытый смысл: в гладиаторской школе Батиата созрел бунт. Рабы Капуи готовы поднять оружие. В её глубоких тёмных глазах не было страха. Напротив, в них зажглось холодное пламя, с которым её предки когда-то смотрели на идущие в бой римские легионы. Время её личной мести дому хозяина и всей надменной Республике приближалось.

— Я поняла тебя, Стратон, — тихо, на безупречной латыни ответила она, и её твёрдый взгляд устремился к далёкой, едва различимой в ночи вершине Везувия. — Пожар так пожар. Пусть горит. Иногда этой земле нужно очищение огнём. Я буду готова.

За окном всё так же монотонно трещали тысячи ночных цикад.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.